

Я.Ю. Петрык

**ПАТЕМАТИКА КАК
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН**
(философия М.К. Мамардашвили)

Монография

Новосибирск
2017

УДК 141.32

ББК 87.52

ПЗ1

Рецензенты:

Вигель Н.Л., доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Ростовского государственного медицинского университета, Член-корреспондент РАЕ;

Карпенко В.Е., кандидат философских наук, доцент, докторант Харьковского национального университета им. В.Н. Карамзина.

Петрык Я.Ю.

ПЗ1 Патематика как эстетический феномен (философия М.К. Мамардашвили): - Монография. - Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2017. – 142 с.

ISBN 978-5-4379-0543-2

Патематика (термин предложен М.К. Мамардашвили) – это философское учение о человеческих страстях, как персонально воспроизводимых онтологических состояниях, где пафос (страсть) понимается как экзистенциально - феноменологическое усилие, позволяющее сохранить динамически-темпоральный характер тонического сознания индивида. Так как М.К. Мамардашвили не посвящает патематике специальной работы, автором монографии предложен один из возможных вариантов реконструкции взглядов мыслителя на исследуемый предмет. Патематика рассматривается как смыслообразующий исток эстетического праксиса индивида, где существенную роль играет эстетизис, как духовно-телесное мироощущение человека, и тем самым актуализируется интимно - личностной опыт в субъективно - личностном измерении. Аналитика патематических начал, как эстетического феномена, осуществляется в рамках триадической формулы: исследуется логос эстетизиса, как обоснование изначального единства теоретического и практического, рационального и чувственного; топос эстетизиса, как метафизическое основание сознательной жизни субъекта, предполагающий включенность в событие, взаимодействие сознания и бытия, и праксис эстетизиса, как практическая реализация экзистенциально-аксиологического комплекса личности. Особое внимание автор монографии уделяет анализу «патематических законов» «любовно» выведенных М.К. Мамардашвили, в которых философ неизменно транслирует идею свободной мыслительной практики человека и идею уникальности любого сознания, как самоценного.

Предназначено для широкого круга читателей интересующихся экзистенциальной философией, эстетикой и аксиологией.

ББК 87.52

ISBN 978-5-4379-0543-2

© АНС «СибАК», 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение	4
Глава 1. Патематика как эстетически - экзистенциальный концепт в философии М.К. Мамардашвили	14
1.1. Эстетизис как основа философской патематики М.К. Мамардашвили	25
1.2. Эстетически-экзистенциальный потенциал патематики как способа мышления	43
Глава 2. Метафора как эстетический инструмент патематики. Топос эстетизиса	57
2.1. «Базовые метафоры» патематики М.К. Мамардашвили	71
2.2. Производные метафоры патематики	83
Глава 3. Фундаментальные законы патематики как эстетики мышления. Праксис эстетизиса	90
3.1. Социальная патематика	95
3.2. Экзистенциальная патематика	105
3.3. Патематика любви	119
Заключение	130
Список литературы	135
Приложение	140

*Моим родителям и брату
с любовью и благодарностью*

ВВЕДЕНИЕ

М.К. Мамардашвили является одним из интереснейших, многогранных и оригинальных мыслителей XX века, чей масштаб личности и философии еще предстоит оценить по достоинству. Академическая сложность письменных работ философа, диффузность и отсутствие строгих демаркационных линий и терминологических границ, употребляемых концептов в лекциях, методологически трудный стиль, который небезосновательно именуют ампликативно-рекуррентным (В.В. Калининко) [32, с. 86] и метафорическим (В.А. Подорога) [32, с. 140] – все это делает философию М.К. Мамардашвили одновременно своевременно-жизненной, актуальной и динамичной, но и невероятно трудной в интерпретации.

Философ преднамеренно и вполне сознательно включает «нелегкий труд понимания» в освоение собственных работ, полагая, что основной смысло-жизненной задачей человека является именно «понимание» как тотальное осознание и осмысление, перманентное увеличение знаний о самом себе и о мире. Своёобычность философского знания, как формы духовной культуры, философ утверждает, как особый «внутренний акт, которому нельзя научиться» [41, с. 14], но который имплицитно присутствует в душе каждого человека. Философия – это духовно-интеллектуальное «сверхвысокое напряжение», а не простое «сложение механических усилий»; «концентрация всех жизненных сил, опыта, интуиции»; это «крик, который нельзя сдержать!» [41, с. 31]. Но только в этом интеллектуальном напряжении по-настоящему и может родиться человек.

Существование и мышление, нерасторжимое единство которых философ возводит в основание собственной системы, приводит к тому, что совершенно умышленно ампликативность становится основополагающей чертой философии М.К. Мамардашвили. Мыслитель объясняет собственную позицию следующим образом: любая «структура увеличивается тем, что мы её понимаем» [44, с. 170], а непрерывное накапливание смыслов с нарастанием экспрессивности, помогает уяснению обретенных истин.

Безусловной преднамеренностью обладает и рекуррентность в стиле мышления философа. В толковании М.К. Мамардашвили, мыслительный процесс – это постоянное «движение вглубь» [44, с. 4], «бесконечное проигрывание» ситуации [44, с. 112], упоение возвратом

к исходным началам, где «количество (возвращений) не имеет никакого значения» [44, с. 34], но невероятно важен обнаруженный смысл. Философ глубоко убежден, что истины воспроизводятся и творятся не в причинно-следственной связи, а постоянно и заново, благодаря духовному усилию человека. Поэтому, иной раз, может показаться, что мыслитель тавтологичен. Действительно, М.К. Мамардашвили постоянно возвращается к одним и тем же мыслительным ситуациям, пытаясь найти новые способы их выражения, или по-новому из единой мыслительной точки разворачивает многоликий смысл. Но основная цель философа – задать каждому человеку эталон существования – обрести в собственном духовном движении «непрерывного творения», «то, чем не располагаешь» [41, с. 111]. Именно поэтому рекуррентность – это единственная возможность «удержания себя» в структуре рефлексии и единственно верный стиль мышления.

Метафоричность, как отличительная черта лекций, неотчуждаема от стиля мысли философа не только потому, что метафора органично «насыщает интеллектуально-метафизической кровью само размышление» (В.А. Подорога) [32, с. 140], являясь живой «плотью» мысли, но и потому, что влечет прочь от косности и догматизма, объективной выхолощенности и стерильности мышления, позволяя, «понимать, но не утверждать» [44, с. 142].

В экзистенциальной манере философствования, которую мыслитель, по целому ряду причин, полагает единственно возможной, М.К. Мамардашвили использует множество «непроговариваемых» онтологических начал, концептов и истин, вводит целый ряд собственных ключевых понятий, которые самоосновны и субстанциальны, но не подвергнуты автором четкому дефинированию.

По глубокому убеждению мыслителя, философствование не есть дедукция из имеющихся слов и положений, поэтому ценно только то, что человек может «испытать», «исполнить», пройдя «какой-то путь страдания», благодаря собственным силам и «мучительному вынуждению» [41, с. 16]. Полученная в итоге «исполненная» мысль, не будет являться результатом аналитической подборки, так как подобное мышление «происходит не произвольно», «не при произвольном выборе предметов интеллектуального внимания, а экзистенциальным путем» [41, с. 29]. Тем самым, мыслитель стремится сказать, что философия не ограничивается логическими схемами и дедуктивными положениями – она всегда живой продукт мышления. И хотя подобный «экзистенциальный стиль» философствования со множеством эмоционально-чувственных включений, не способствует воссозданию

четко очерченной смысловой структуры мира и сознания, но именно данный стиль дает полное представление о том, что опыт философии (для каждого человека) – есть особенный, ценный и оригинальный вариант специальной эстетической антропологии в манере античной трагедии самопознания.

Философия М.К. Мамардашвили – это причудливое слияние онтологии, гносеологии и аксиологии, где, как в калейдоскопе смешенное, тематически удивительное разнообразие экзистенциальных и феноменологических проблем, соединяется с поиском антропологически конституирующих начал и универсализацией эстетического пространства человеческого существования. Трагедия самопознания, полагается философом, как самопорождение и самоконструирование, в котором человек поставлен на грань, где пересекаются бинарные оппозиции и многообразные структуры жизнедеятельности, и где постулат существования только один – не допустить непрожитой, то есть совершенно механической, неосознанной жизни. В философии Мамардашвили речь идет о рефлексивном и логическом и, одновременно, эмоционально-интуитивном саморазвитии человека.

«Эстетизация» собственного стиля мышления М.К. Мамардашвили не столько обусловлена инверсией эстетического, тем, что современная культура постмодерна стирает классические грани эстетического и неэстетического, возводя в область эстетики любой малоэстетичный предмет, дефляцируя любой объект повседневного, сколько историко-философской филиацией идей, согласно которой эстетика не завершает проблемное поле философии, но служит его основанием и субстанциональным началом.

Г.Ф. В. Гегель писал: «...высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт *эстетический*» [13, с. 212]. Философия духа – это «эстетическая философия». Таким образом, без эстетики философия не получает необходимого целостного контекста и методологически состоятельной теоретической ориентации. Эстетика – это существенный компонент любой философской доктрины, которая претендует на системность и полноту миропонимания. Именно в этой связи М.К. Мамардашвили пишет: «...у мышления, имеющего непосредственное отношение к истине, есть своя эстетика» [41, с. 9] и, совсем уже в свете синтетической философии русского символизма, замечает: «красота – (это) наглядно зримая явленность истины» [42, с. 294], а «истина, которая наглядно явлена материальным расположением, есть прекрасное» [42, с. 294]. Таким образом, если учесть то, что «гармония», как эстетическая категория, понимается философом, «как метафизический априорный принцип» [42, с. 294], становится очевидным,

что без эстетического, то есть эмоционально насыщенного отношения к миру, ни одна из философских систем просто не может состояться и считаться полной и самостоятельной.

Эстетическое, как изначальный принцип, аксиологически насыщенного единства жизненного пространства, включает в себя патетику отношения к миру, как растворенные в системе личности представления о ценности добра и красоты, где «когнитивный горизонт» не имеет оснований вне эстетической оценки. Подобное толкование эстетического приводит М.К. Мамардашвили к созданию особой области эстетического знания – патематике, которая фиксирует эстетический модус бытия и сознательно входит в процесс «антропологизации» философского подхода к проблемам бытийствования, благодаря чему мыслящий субъект постепенно все ближе подходит к цельности восприятия мира. М.К. Мамардашвили пишет: «...в области эстетики...есть случаи способности суждения, когда частный случай подводится под несуществующий закон» [42, с. 190], полагая, что именно в области эстетического знания возможно на уровне интуиции уловить то, что фактически невозможно выразить.

Повествуя об эмоциональном элементе эстетического, М.К. Мамардашвили, возвышает его тем, что эстетика непосредственно сопряжена с человеком, как субъектом и предметом философии. Эстетика изучает чувственное восприятие, которое является основой и началом познавательного процесса, открывая потенциал последовательного движения разума, подытоживая этот путь оценочным суждением.

Эстетическое, будучи обращено к неповторимой индивидуальности человека в единстве его духовно-телесной природы, обладает особым статусом, как возможностью абсолютно полного выражения человеческой природы, что особенно ценно в эпоху современного духовного кризиса, который является не только следствием конфликтных ценностных установок в современном обществе, но и результатом неполноты воплощения личности, её ущербности, недостаточности раскрытия способностей. Полагая эстетическое как аффективное априори, человек обретает осмысленность собственного существования, и получает возможность познать чувственно-индивидуальное и выявить его ценность.

Философ стремится внушить современному человеку высокий идеал и возродить высокий статус «чувства», «эмоции» и «пафоса», которые в наш прагматический век целесообразной эмоциональности, либо полностью отождествляются с материальными благами, либо низводятся до «излишка» слишком расчётливого разумного существования и праксеологического отношения к миру, либо нивелируются

психологическими практиками «позитивного» мышления, где существеннейшим вопросом оказывается вопрос о правомерности человеческих страданий, в которых не видят главного - возможности духовного роста.

Осознавая атехничность методологической программы феноменологии и её радикальный субъективизм, как возможность осуществить и представить описание в интерсубъективном виде только собственного сознания, отсутствие концептуального единства, так как способ мышления, именуемый феноменологией, с большим трудом конституировался в одно концептуальное течение, М.К. Мамардашвили стремится построить общую теорию эстетического пафоса.

Мыслитель прекрасно осознает то, что необходимо ставить вопрос не о правомерности человеческих страданий, а в целом, о пафосах человеческой жизни – которые, как особые духовные переживания индивида - очевидны, априорны и уместны, ввиду духовности самого человека. Их амбивалентное основание не только выявляет уникальность каждой личности, но и свидетельствует о потенциальной и перманентно присутствующей задаче вечного преобразования личности, не подрывая её жизненного тонуса. Многие трагические противоречия жизни невозможно победить только рационально-технически, необходимо задействовать весь глубинный эмоционально-чувственный потенциал. Диффузность, сиюминутность, нестойкость терминологических границ между такими понятиями как «чувство», «аффект», «ощущение» позволяет говорить об «эмоции», как об улавливающей темпоральное многообразие человеческой жизни во всей её полноте и возможности выражения её в синтетически-собираемых понятиях.

Будучи интегральным по своей природе, любое человеческое «чувство», как и мысль, снова рождается и существует всякий раз заново, а не выводится из других или предшествующих чувств. М.К. Мамардашвили пишет: «смысл дискретен, он неразделим по звеньям ряда обоснования» [42, с. 266]. Таким образом, философ стремится сказать, что любое «чувство», любой «пафос» человека обладают огромным творческим потенциалом, воспроизводящим саму человеческую жизнь, который осуществляется вопреки потокам естественной необходимости, природной причинности и даже вопреки понуждениям природы.

Отрицая детерминизм в сфере нравственности, М.К. Мамардашвили утверждает необходимость более глубокого и вдумчивого отношения к человеческому «чувству», которое нуждается в определенной структурирующей сетке, методичном философском анализе,

возможность которого, в свою очередь, обусловлена патематикой. Философ единожды и вскользь в «Лекциях о М. Прусте» упоминает о возможности патематики, как строгой философской науки, основанной на обязательных к исполнению законах. Однако роль её в философском учении мыслителя трудно переоценить.

Патематика М.К. Мамардашвили – это имплицитно развернутая философско-антропологическая концепция с целым спектром человеческих экзистенциалов, воплощающая разнообразные лики человеческих пафосов. Пафосы, как беспрерывно продуцируемые духовные состояния человека, инициированные, в том числе, экзистенциалами телесности и пространственности, приводят М.К. Мамардашвили к толкованию жизни человека, как «эстетического существования». Патематическое, то есть «эстетическое» определение человека – это не только еще один шаг к познанию человеческой природы, к самопознанию, но и очередной шаг к духовной самоидентификации самой философии, к дальнейшей разработке её понятийно-категориального аппарата.

Мыслитель проходит путь духовной эволюции от эстетического, как целостно-эмоционального отношения к миру - к эстетическому – телесно-переживаемому бытию, как к возможности описать эмоционально-телесный опыт субъекта, развивающийся по определенным законам; к патематике как онтологии эмоциональных состояний и топологии пафосов человека. М.К. Мамардашвили полагает, что люди характеризуются относительно устойчивыми паттернами мыслей, чувств, переживаний, на основе которых и может быть построена патематика. Патематика возникает, как желание ничего не упустить в многоликости человека, «ни одно из фундаментальных переживаний», так как «в каждом своем чувстве (человек) уникален и неповторим» [41, с. 20].

Существовавшее в истории науки большое количество теорий эмоций (около 20), которые, вместе с тем, оказались не достаточными для глубокого осмысления онтологии психических переживаний человека, сформировали представление об эмоции и пафосе как о сложном структурно-смысловом образовании, играющим важную роль в жизни субъекта. Данные представления были трансформированы М.К. Мамардашвили в отдельную область феноменологической эстетики – патематику, в которой мыслитель полагал вывести универсальные, общезначимые законы духовного развития индивидов, где единичные эмоциональные концепты, обладая и собственной национальной, этно-культурной спецификой, вместе с тем, являлись бы маркерами всеобщей эмоциональной картины мира.

Особую роль в данном процессе как способе концептуализации базовых экзистенциальных концептов играла метафора, как эстетический инструмент патематики, воплощающей во всем многообразии разнородный, но в определенном смысле, унифицированный (человека, как родового существа) опыт человеческого эстетического бытия.

Экзистенциалы, как сложные эмоциональные концепты, являясь одновременно разновидностями культурных концептов, отличавшиеся дополнительными ценностными и оценочными характеристиками, были собраны М.К. Мамардашвили воедино, как возможность семантико-психологической, эмоционально-эстетической, коммуникативно-деятельностной и поведенческой реакций индивида на мир. При унифицирующей универсальности патематических законов, в философии М.К. Мамардашвили, не стиралась грань индивидуально-личностного бытия, так как за каждым субъектом признавался собственный вариант, личный модус восприятия, собственный пафосно-культурный умвельт.

Философ не ограничился дескрипцией механизмов вербализации эмоциональных пафосов, так как для их глубокого онтологического анализа простой дескрипции недостаточно. Выявить их структуру, законообразность их конструирования, общие универсальные признаки, при индивидуально-психологическом, субъективно-релятивном и индивидуально-особенном характере эмоций, сохраняя их релевантность для всех культур – основная задача философа. М.К. Мамардашвили стремился создать целостную синтетическую философию существования человека в его эстетической картине мира, опираясь на эстетически-экзистенциальный концепт.

Эстетическая картина мира – это сложное структурно-смысловое образование, которое включает в себя не только когнитивные логически-дедуктивные категории, но весь спектр эмоциональных представлений, которые образуются в результате аксиологической деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности. Подобный «эмоциональный концепт», обладая важными семантико-психологическими характеристиками, помогает структурировать многообразный человеческий опыт, сложить « мозаику » человеческой жизни.

В сложной практике целостной антропологии, М.К. Мамардашвили провозглашает необходимость активного применения метафор, как возможности не просто иллюстрировать некоторые концепты, а объяснять и толковать их. Деятельное использование антропоморфных и натуроморфных метафор, толкуется мыслителем, как необходимость собственную преобразующую деятельность человека истолковывать в социально-психологической релевантной манере, а также традиционно

непреодолимой практической ценностью для человеческой жизни самой природы. Антропоморфные метафоры гораздо лучше и тоньше передают эмоции людей, кодируя их через персонификацию и олицетворение, а в натуроморфных метафорах эмоции выражают свое содержание через явления материальной культуры и стихии природы. Выявляя, фактически, базисные и производные метафоры эстетического существования, М.К. Мамардашвили свидетельствует о наличии у этих видов метафор собственных феноменологических характеристик.

Эстетическая картина мира, как эстетико-трансцендентальное начало феноменологического опыта, которое в основание своей философии положил М.К. Мамардашвили, это особое видение когнитивного субъекта, где эстетизм – это «актуальная точка самосоздающегося смысла» (В.Л. Круглов). Эстетизм – это акт «конституирования предельно собранной тотальности» топологически обнаруживающей себя, как условие предельной ясности. Таким образом, эстетическое существование это процедура упорядочивания сознания, особенное ментальное построение, способствующее гармонизации сокровенно – личностного пространства человека. Эстетизм – это «место» рефлексии, обращенное к миру, где мысль индивидуальна лишь по форме, но она живет в унисон с тысячами других уже рожденных мыслей. Следовательно, в рамках «патематики», М.К. Мамардашвили предлагает собственный нетривиальный способ постижения личности и её творческого эстетического самовыражения.

«Патематика» в философии мыслителя раскрывает разные стороны человеческого бытия: человек представлен в конкретной ситуации социально-исторической жизни (социальная патематика), личностной (экзистенциальная патематика) и аксиологической (любобная патематика). Подобный подход помогает понять человека, как сплетение природных, социальных, аксиологических качеств, в которых прослеживается механизм созидания духовного облика человека, его самости. Понятие внутреннего мира уже включено в понятие личности, ввиду того, что есть индивидуально интерпретированный насыщенный личностными эмоциями мир. А сложная система способов субъективной переработки эмоций находит отражение в законах патематики, которые, вместе с тем, являются объективной возможностью обретения личностью собственного Я.

Таким образом, основной задачей философствования оказывается актуальнейшая во все времена проблема «обретения самого себя». Мыслитель стремится ответить на целый ряд существеннейших вопросов: происходят ли события с необходимостью из собственной нашей истории, из нашего личного биографично-индивидуального

прошлого? Являются ли события нашей жизни случайной модальностью нашей психики, и может ли быть событие дедуцировано из изначальных «внутренних структур» нашей личности? Каков статус этих структур? И существуют ли каркасные «архетипы» наших страстей, которые всеобщы, но разворачиваются индивидуально, образуя специфический экзистенциальный модус? Можно ли типизировать пафосы человеческой жизни, сохраняя их индивидуальность и оригинальность? Представляется ли возможным типизировать пафосы настолько, чтобы не только создать патематику, как строгую философскую науку, но и вывести законы патематики? Каков в целом статус данной области знаний в философии, и каково влияние эмоциональных факторов на мыслительную деятельность?

Философия М.К. Мамардашвили, герменевтический потенциал которой фактически неисчерпаем, свидетельствует не только о необходимости теоретико-академического толкования проблем существующего и познающего субъекта в антропологическом поле исследования, в рамках философско-гносеологического и феноменологического подходов, но и о постепенном разворачивании эстетически-экзистенциального пласта существования человека во всем объеме его аксиологической наполненности, с наращиванием линии прагматики сознания. М.К. Мамардашвили позиционирует эстезисное существование, как особый способ эстетического самоконструирования и мышления.

В современном динамично меняющемся мире поиск человеком самого себя, опыт самопознания, самоидентичности и культурной локализации личности остается актуальной проблемой. Именно «патематика», как эстетический феномен, исследуя глубинные универсальные законы ментальных структур и пафосов, в состоянии стать важным методологически-содержательным инструментом в исходном поиске.

Оригинальное толкование философствования самим мыслителем, полагающим философское знание экзистенциально-духовным усилием субъекта, определяет и методологию данного исследования. Так как М.К. Мамардашвили не посвящает «патематике» отдельной, специальной работы, то, без сомнения, уместен метод реконструкции – как постепенного последовательного эксплицирования «незасвидетельствованных» в строгих логических схемах построений мыслителя. В данном случае, это попытка концептуализировать и представить, как целостное учение, то, что философ только намечает в целом ряде работ и выражает метафорически.

Метод М.К. Мамардашвили не чужд экспликативным моделям, которые в рамках экспланативного (объясняющего) метода, основываются на математике, как идеальном образце. В самом названии

«патематика», присутствует не только древнегреческий корень «патос» («страсть»), но и «матема», как ядро математического знания, первоначальный образ, который в своей концептуальной основе помогает установить структуру явления. Кроме того, в рамках экспликативной модели возможно имитировать ситуации, создавая альтернативные сценарии. Экспликация как метод развертывания, раскрытия и объяснения ранее неизвестного и неясного, как нельзя лучше, подходит для анализа философии М.К. Мамардашвили. Так как сама экспликативная модель философствования мыслителя устанавливает определенное экзистенциально-герменевтическое свободное поле для рефлексии с возможностью рекуррентного осмысления и мыслительного эксперимента, а также возможностью фиксации наиболее часто повторяющихся и наиболее значимых концептов в работе мыслителя. Весомое значение экспликативному методу придает метафора как инструмент понимания, а главное – объяснения. Таким образом, философ создает патематику, как модель, связанного последовательного мышления с возможностью воспроизведения идей в их общих логических схемах. При этом, патематика как ценностная и целостная философская дисциплина, соединяющая сенсорный и когнитивный опыт человека, помогает дистанцироваться, как от универсализма, так и от партикулярного консерватизма.

Необходимость логичного структурирования излагаемого материала обусловила целесообразность его разбивки по трем главам. В работе исследованы различные взаимоотношения «эстетизиса», как онтологической основы эстетической патематики М.К. Мамардашвили, с «логосом», «топосом» и «праксисом». В первой главе речь идет о необратимой связи «эстетизиса» и «логоса». Во второй главе исследуется характерное для мыслителя толкование метафоры и, в целом, панметафоризм творчества М.К. Мамардашвили, склоняет нас к мысли о том, что «эстетизис» неразрывно связан с «топосом». Третья глава иллюстрирует эмпирическое воплощение «эстетизиса», его «праксис». Именно в подобном подходе, реконструировав патематику, как область философско-эстетического знания, возможно обрести тот общий ментальный код, благодаря которому образуется общее смысловое единство философии М.К. Мамардашвили.

Монография

Петрык Янина Юрьевна

**ПАТЕМАТИКА КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН
(философия М.К. Мамардашвили)**

Подписано в печать 25.07.17. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,875. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, оф. 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3.